ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

CC BY

УДК 340.15

Оригинальное эмпирическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-9-20

EDN: GGFXDG

Этатизм как принцип советского аграрного законодательства

Л.Г. Берлявский[1, 2] ✉, **В.А. Бондарев**[1]

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ berlg@yandex.ru

Аннотация

Введение. Утверждение этатизма как принципа аграрного законодательства происходило в России на протяжении всего советского периода, и определила его ведущие тенденции сплошная коллективизация сельского хозяйства, осуществленная в 1930-х гг. Колхозное право, окончательно оформившееся в рамках коллективизации как отдельная отрасль советского законодательства, отличалось наличием любопытной коллизии: декларировавшиеся в нем нормы о кооперативном статусе колхозов, созданных на средства самих крестьян, с общественной собственностью на средства производства и самоуправлением, фактически выполняли роль идеологического парадного фасада, тогда как в действительности важными для законодателя являлись этатистские положения, закрепляющие верховенство государственного над общественным. Такой подход привел к утрате аграриями хозяйственной инициативы и, в конечном итоге, деградации советской деревни. В современной литературе указанная особенность колхозного права практически не освещается, при этом осмысление исторического опыта необходимо для эффективного регулирования аграрного производства в Российской Федерации. Цель настоящего исследования заключается в анализе этатизма как принципа советского аграрного законодательства, его проявлений в базовых нормативно-правовых документах 1930-х гг. и воздействия на колхозную систему СССР.

Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составили разнообразные нормативные правовые акты, принимавшиеся в СССР в 1930-х гг., а также исторические материалы, в частности, архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, в числе которых сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический), метод контент-анализа.

Результаты исследования. Доказано, что в Советском Союзе изначально сложились благоприятные условия для укоренения этатизма, который лег в основу колхозного законодательства: колхозы, создававшиеся в рамках сплошной коллективизации, формально рассматривались партийно-государственным руководством как кооперативные, но фактически – как полностью подконтрольные государству, лишенные автономности. Задача советской юстиции заключалась в том, чтобы данный статус колхозов был закреплен законом. На протяжении 1930-х гг. в СССР сложился обширный комплекс нормативных правовых актов, регулировавших устройство и функционирование коллективных хозяйств. Помимо основополагающих документов (таких как Примерные уставы сельхозартели 1930 г. и 1935 г.), комплекс этот включал множество других юридических актов, которые принимались органами власти в разное время и по разным поводам, но все они имели целью подчинить колхозы государству и поставить во главу угла государственные интересы. Причем с течением времени стремление государства упрочить свой контроль не ослабевало, но усиливалось. В результате такой политики колхозы практически не имели кооперативной самостоятельности, превратившись в огосударствленные сельскохозяйственные предприятия.

© Берлявский Л.Г., Бондарев В.А., 2025

Обсуждение и заключение. Юридическая теория и законодательная практика в СССР в 1930-х гг. строились в русле этатистского подхода, однако поскольку законодатель был вынужден учитывать идеологические постулаты о коллективизации как построении социализма в деревне, на первый план выдвигались декларативные положения о колхозной демократии. Такие декларации являлись своего рода юридическим фасадом, призванным подтвердить наличие социалистических отношений в Советской России, однако по сути в стране господствовал государственный капитализм, так как ведущей тенденцией законодательства являлось узаконение вмешательства властей в сферу деятельности коллективных хозяйств и полное подчинение колхозной системы государству.

Ключевые слова: этатизм, СССР, советский период, аграрное законодательство, колхозное право, коллективизация, колхозы, сельское хозяйство

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Этатизм как принцип советского аграрного законодательства. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(3):9–20. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-9-20

Original Empirical Research

Etatism as a Principle of Soviet Agrarian Legislation

Leonid G. Berlyavskiy[1, 2], Vitaliy A. Bondarev[1]

[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. Etatism as a principle of agrarian legislation had been establishing in Russia throughout the Soviet period, and its leading trends had been formed under the influence of total collectivization of agriculture that took place in the 1930s. Eventually, in the frame of collectivization, collective farm law was formed into a separate branch of Soviet legislation and was attributed with a quite interesting collision: the norms declaring the cooperative status of collective farms, as the farms created with the peasants' own funds and based on the public ownership of the means of production and self-government, served an ideological facade. Whereas in reality**,** the primary concern of the legislators was adhering to provisions of etatism, which enshrined the supremacy of the state interests over the social ones. This approach had led to the loss of economic initiative by the farmers and, eventually, to the decay of the Soviet village. In the up-to-date literature this particular aspect of the collective farm law has hardly been studied, whereas the reflective understanding of historical experience is essential for the efficient regulation of agricultural production in the Russian Federation. The aim of this study is to analyse etatism as a principle of Soviet agrarian legislation, its manifestation in the fundamental regulatory documents of the 1930s and its impact on the collective farm system of the USSR.

Materials and Methods. The source material for this study consisted of various regulatory legal acts adopted in the USSR in the 1930s, as well as historical materials, including the archival documents from the Russian State Archive of Social and Political History (РГАСПИ/RGASPI), the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO), and the State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). The research methodology implied using the general scientific and specific juridical methods, including the comparative historical, historical-legal, dogmatic-legal (legalistic), and content analysis methods.

Results. It has been proved that initially in the Soviet Union the favorable conditions for strengthening etatism were created, which formed the basis for the collective farm legislation. Collective farms created in the frame of total collectivization were formally considered by the party and state leadership as cooperative farms, whereas in reality, they were completely controlled by the state and deprived of autonomy. The objective set forth the Soviet legal system was to enshrine this status of collective farms in the law. During 1930s, a wide range of normative legal acts regulating the structure and functioning of the collective farms were developed in the USSR. In addition to the fundamental documents (such as the Model Charters of Agricultural Cooperatives of 1930 and 1935), this range included numerous other legal acts adopted by the government bodies at various times and for various reasons. All of them aimed to subordinate the collective farms to the state and prioritize state interests. Moreover, over time, the desire of the state to consolidate its control did not weaken, but intensified. As a result of this policy, the collective farms had practically no cooperative independence, and turned into the state-owned agricultural enterprises.

Discussion and Conclusion. In the 1930s, the juristic theory and legislative practices in the USSR were based on the principles of etatism. However, the legislators had to respect the ideological postulates of collectivization in building

socialism in the vilage, therefore the declaratory provisions about collective farm democracy were foregrounded. Such declarations served a kind of legal facade, intended to confirm the existence of socialist relationships in Soviet Russia. However, essentially the regime of state capitalism dominated in the country, because the leading legislative trends were legitimization of government intervention in the activities of collective farms and total subordination of the collective farm system to the state.

Keywords: etatism, USSR, Soviet period, agrarian legislation, collective farm law, collectivization, collective farms, agriculture

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to significant enhancement of the article quality.

For Citation. Berlyavsky LG, Bondarev VA. Etatism as a Principle of Soviet Agrarian Legislation. *Legal Order and Legal Values.* 2025;3(3):9–20. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-9-20

Введение. Утверждение этатизма как принципа аграрного законодательства происходило в СССР на протяжении всего советского периода. Сплошная коллективизация сельского хозяйства, развернувшаяся в стране на рубеже 1920–1930-х гг., представляла собой триумф аграрной программы, декларированной большевиками уже в первые дни и месяцы после их прихода к власти – в знаменитом «Декрете о земле» 26 октября 1917 г. и менее известном, но гораздо более содержательном Декрете ВЦИК «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г. Не сумев в годы Гражданской войны и в период нэпа достичь заявленной цели, – всемерного развития «коллективного хозяйства в земледелии… за счет хозяйств единоличных»[1], – советское партийно-государственное руководство пришло к желаемому результату в 1930-х гг. Сплошная коллективизация кардинально изменила устройство советской деревни, ликвидировав былое многообразие индивидуальных крестьянских хозяйств и превратив крупные коллективные хозяйства (колхозы) в решительно доминирующую форму организации аграрного производства. В 1938 г. в Советском Союзе насчитывалось 242,4 тыс. колхозов, в которых объединялось 18,8 млн крестьянских дворов (93,5 % от их общего количества) и 99,3 % всех посевных площадей [1].

В свете постулатов советской идеологии коллективизация выступала не просто средством создания высокоорганизованного товарного аграрного производства, но инструментом построения социализма в деревне. Соответственно, коллективные хозяйства трактовались их создателями, в том числе И.В. Сталиным, как «наиболее яркий вид производственной кооперации» [2, с. 90], как организационная форма социалистического сельского хозяйства, избавленного от эксплуатации человека человеком, частной собственности на средства производства, купли-продажи и аренды земли. Окончательно сформировавшееся в 1930-х гг. колхозное право, ставшее важной отраслью советской правовой системы, также представляло коллективные хозяйства в виде производственных кооперативов. Колхозы, в отличие от государственных сельхозпредприятий (совхозов), создавались на средства самих крестьян[2], орудия труда в них не являлись государственной собственностью, но обобществлялись, а задачи управления выполнялись самими колхозниками.

Формально-юридический подход был весьма удобен советским ученым в дискуссиях с зарубежными исследователями, которые правомерно указывали на то, что в СССР юридическая теория самым существенным образом расходится с социально-экономической практикой и что колхозы, по существу, полностью подчинены государству. Так, в 1950-х гг. французский исследователь М. Оже-Лярибе указывал, что колхоз есть не «кооперативное предприятие, основанное на свободном присоединении к нему его членов», а государственное, где колхозники выступают в роли сельскохозяйственных рабочих [3, с. 242]. В ответ советские авторы апеллировали к колхозному праву и утверждали, что «колхоз не является государственным предприятием» [3, с. 242]. Разумеется, с формально-юридической точки зрения они были правы.

В постсоветский период, когда отечественные ученые уже не были скованы политико-идеологическими ограничениями и могли всесторонне анализировать огромный массив сведений об устройстве и функционировании колхозной системы, они убедительно доказали, что на всем протяжении советской эпохи колхозы представляли собой огосударствленные предприятия, полностью подконтрольные органам власти и беспрекословно выполнявшие их распоряжения. Факты свидетельствуют о том, что содержание нормативно-правовых актов слабо коррелировало с реальностью коллективизированной деревни. Коллективные хозяйства лишь формально выглядели как самоуправляющиеся кооперативы, фактически они изначально были встроены в командно-административную систему и в плане зависимости от государства не отличались от совхозов.

[1] *История колхозного права*. *Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг.* В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 19.
[2] *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1989–1953*. Изд. 7. В 2-х ч. Ч. II. 1925–1953. Москва: Госполитиздат; 1953. С. 596.

В то же время тщательный объективный анализ советского законодательства позволяет выявить любопытную правовую коллизию, характерную для всей отрасли колхозного права. Суть данной коллизии заключается в изначально присущем колхозному праву этатизме – в четко выраженном стремлении законодателя юридически закрепить верховенство государственного над общественным. Таким образом, разрыв между нормами кооперативного по своей сути колхозного права и практикой их реализации, на существование которого в 1930-х гг. (да и на протяжении последующих советских десятилетий) указывают исследователи, был не так уж и значителен. В действительности уже в самом колхозном праве был заложен примат государственного начала, что особенно заметно при анализе массы подзаконных актов и ведомственных документов того исторического периода.

В современной научной литературе указанная особенность колхозного права практически не освещается. Собственно говоря, в наши дни само колхозное право уже не является предметом научного анализа. Видный российский правовед О.И. Чистяков вообще полагал возможным говорить о тенденции «к отказу от серьезных исследований» аграрного законодательства советского периода [4, с. 64]. Причины этого очевидны и связаны с исчезновением самих колхозов после распада СССР и, в более широком плане, колхозной деревни как социально-экономического и социокультурного явления. Однако несмотря на то, что колхозы уже не являются элементом окружающей нас действительности, отмеченная проблематика – этатизм аграрного законодательства – имеет не только научно-теоретическую, но и практическую актуальность. Осмысление советских наработок в области формирования юридической базы управления сельским хозяйством необходимо как одно из обязательных условий эффективного регулирования аграрного производства в Российской Федерации. В частности, крайне важно учитывать негативный опыт существовавшей в СССР мощной административно-командной системы на селе, которая использовала законодательство как инструмент установления максимально активного контроля над сельхозпроизводителями. Такой подход, как известно, привел к утрате аграриями хозяйственной инициативы, снижению их трудовой дисциплины и мотивации, перманентным потерям урожая, низкому качеству сельхозпродукции, деградации советской деревни.

Цель представленной публикации – проанализировать этатизм как принцип советского аграрного законодательства, сосредоточив усилия на проявлениях данного принципа в базовых нормативно-правовых документах и его воздействии на устройство и функционирование колхозной системы. Наше внимание сконцентрировано преимущественно на 1930-х гг., поскольку именно в это время был заложен фундамент колхозного права, принципиально не менявшийся вплоть до крушения СССР.

Материалы и методы. Центральными элементами эмпирической базы исследования выступили разнообразные нормативные правовые акты, принимавшиеся в СССР правительственными органами и партийными структурами: Земельный кодекс РСФСР 1922 г., партийно-государственные акты о коллективизации, Примерный устав сельскохозяйственной артели (в двух его редакциях – первой, от 1 марта 1930 г., и существенно доработанной, от 17 февраля 1935 г.). Источниковую базу нашей работы также составили исторические документы, в частности, материалы архивохранилищ южно-российских регионов – Дона, Кубани и Ставрополья, поскольку таковые принадлежали к числу краев и областей России с развитым сельским хозяйством и значительной долей сельского населения, где коллективизация проводилась в первую очередь и где к концу 1930-х гг. действовали тысячи колхозов. В начале 1930-х гг. перечисленные регионы объединялись в административных границах огромного Северо-Кавказского края, с 1934 г. – в границах Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, а с 1937 г. оформились как Ростовская область (Дон), Краснодарский (Кубань) и Орджоникидзевский (Ставрополье) края. Нами были проанализированы документы из таких архивных хранилищ, как Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Учитывая особенности административно-территориального деления южно-российских регионов в 1930-х гг., в архивах отложились документы не только донских, но также кубанских и ставропольских колхозов, а также органов управления сельским хозяйством. Изучение всех указанных материалов позволяет выявить расхождения между юридической теорией и действительностью колхозной деревни, а также степень и характер воздействия на правовую реальность этатистских представлений большевистских законодателей.

Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, в числе которых сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический). Метод контент-анализа, примененный в ходе работы с архивными документами, дал основания говорить о том, что репрессивные меры широко использовались представителями власти во время подготовки и проведения коллективизации. Проанализированы концептуальные утверждения юристов и историков, что в синтезе с собственным эмпирическим

https://lawandorder-donstu.ru

опытом позволило сформулировать ряд новых положений. Обращаясь к методологическим возможностям современной юриспруденции, вслед за современными авторами, юридическое значение Октябрьской революции и последовавших за ней событий проанализировано с позиций конструктивизма и антропоцентризма [5].

Результаты исследования. Принцип этатизма, исходящий из примата государственного над общественным, подразумевает активное участие государства в жизни общества при отсутствии равноправных отношений между ними. Исходя из данного принципа, отношения между государством и обществом выглядят как субъект-объектные, когда государственная власть выступает в роли демиурга, по собственному усмотрению воздействующего на социум и направляющего его развитие.

В Советском Союзе изначально сложились благоприятные условия для укоренения этатизма как в политической и юридической теории, так и во властной практике. Хотя большевики исповедовали марксистские идеи о государстве как институте классового господства, который должен исчезнуть при переходе к бесклассовому обществу, государственный аппарат после 1917 г. не только не исчез, но укрепился, будучи использованным правящей партией как мощный инструмент завоевания и удержания власти. Теоретически сохранение государства после свершения социалистической революции обосновал В.И. Ленин, утверждавший в известной работе, что государство еще необходимо пролетариату для подавления враждебных классов, а исчезнет оно не скоро, «только в коммунистическом обществе, когда… капиталисты исчезли, когда нет [антагонистических] классов» [6, с. 82–83]. Идеи о сохранении государства как орудия укрепления диктатуры пролетариата естественным образом консервировали этатистские представления в сознании большевистской элиты.

После провозглашения И.В. Сталиным в середине 1920-х гг. концепции «построения социализма в одной отдельно взятой стране» этатизм все отчетливее проявляется в теоретических конструкциях большевизма. Разумеется, стремясь проскользнуть между Сциллой марксистской теории («государство – аппарат угнетения» низших общественных групп высшими) и Харибдой объективных потребностей (без мощного государственного механизма СССР был нежизнеспособен), партийно-государственные идеологи декларировали «общенародный» характер советского социалистического государства. Тем самым подчеркивалось принципиальное отличие советского государства как выражавшего интересы всего общества от политических систем капиталистических стран, где государственный аппарат оставался, согласно учению К. Маркса, аппаратом господства буржуазии над пролетариатом. В законодательстве и правоведении рассматриваемого исторического периода понятия «общенародное» и «государственное» являлись, по существу, синонимами. Характерным примером выступает «сталинская» Конституция 1936 г., в которой указывалось, что «государственная собственность» в Советском Союзе есть «всенародное», «общенародное» достояние[3]. Однако подобная терминология, призванная замаскировать всевластие формировавшегося в СССР государства во главе с единственной, обладавшей монополией на власть партией, имела весьма отдаленное отношение к действительности.

Этатизм лег в основу и колхозного законодательства, возникшего вместе с колхозной системой в результате сплошной коллективизации. Задача проведения масштабной коллективизации сельского хозяйства была, как известно, сформулирована на состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б), вошедшем в историю как «съезд коллективизации». В принятой на съезде резолюции констатировалась необходимость постепенного перехода «распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства» и всемерной поддержки органами власти ростков «обобществленного сельскохозяйственного труда»[4].

Однако в решениях съезда вовлечение крестьян в колхозы трактовалось как постепенный процесс, опиравшийся на принцип добровольности. При таком подходе вновь формировавшиеся коллективные хозяйства должны были обладать определенной автономией от государственной власти, как это и наблюдалось на протяжении периода нэпа. О сплошной форсированной коллективизации, которая изначально предполагала широчайшее применение государственного принуждения и насилия в отношении крестьян, в постановлениях XV съезда ничего не говорилось. Коллективизация развернулась только на рубеже 1920–1930-х гг., будучи провозглашенной в статье И.В. Сталина «Год великого перелома», опубликованной в газете «Правда». Именно с этого времени государство стало прикладывать максимум усилий для вовлечения в повсеместно создававшиеся колхозы широчайших масс крестьянства. С этого же времени, одновременно с массовым и повсеместным колхозным строительством, началось и формирование колхозного права как отрасли советского права, одним из основополагающих принципов которого стал этатизм.

[3] *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1936;(283).
[4] *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1989–1953*. Изд. 7. В 2-х ч. Ч. II. 1925–1953. Москва: Госполитиздат; 1953. С. 317.

Суть данного принципа исчерпывающе выражена в переписке высокопоставленных большевистских функционеров М.М. Хатаевича и В.М. Молотова в ноябре 1932 г.: первый отмечал, что «колхозы [созданы] для пролетарского государства, а не пролетарское государство для колхозов» [7, с. 556], а второй требовал от колхозов удовлетворения государственных нужд в «первоочередном порядке» [7, с. 556]. Колхозы, создававшиеся в рамках сплошной коллективизации, в том числе и принудительно, рассматривались партийно-государственным руководством как полностью подконтрольные государству, лишенные всякой самостоятельности сельскохозяйственные предприятия. Задача советской юстиции заключалась в том, чтобы законодательно закрепить за ними этот статус.

Первым камнем, заложенным в законодательный фундамент колхозной системы, очевидно, следует считать постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. В данном акте достаточно четко вырисовывались особенности складывавшегося в условиях сплошной коллективизации колхозного права, в котором идеологически выверенные декларации служили маскировочной завесой для положений и норм, защищающих интересы государства. В постановлении коллективизация подавалась как сознательный выбор все возраставшего количества крестьян («стихийно растущее снизу колхозное движение») [8, с. 86], хотя в действительности наблюдавшийся в конце 1920-х гг. численный рост колхозов являлся результатом целенаправленных государственных материально-финансовых и агитационных мероприятий. При этом ЦК ВКП(б) рассматривал массовое колхозное строительство как важнейшую государственную задачу и планировал целый ряд новых мер стимулирования коллективизации, требовавших привлечения крупных ресурсов (усиление работы по постройке заводов, производящих сельхозтехнику и инвентарь, резкое увеличение кредитования колхозного сектора и т. п.) [8].

Симптоматичным в плане усиления этатистского подхода в формировании колхозного права служит зафиксированное в рассматриваемом постановлении ЦК ВКП(б) намерение властей повлиять на выбор организационно-правовых форм коллективных хозяйств. В постановлении утверждалось, что к январю 1930 г., якобы в качестве наиболее распространенной формы колхозов, на первое место выдвинулась сельскохозяйственная артель, оттеснив бывшее до этого наиболее популярным у крестьян товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) [8]. В данном случае налицо очередная попытка представить результат деятельности представителей власти как плод крестьянской самодеятельности. Надо сказать, что в период нэпа выделялись три организационно-правовые формы коллективных хозяйств на селе, – коммуны, ТОЗы и сельхозартели, – отличавшиеся разной степенью обобществления средств производства. Наименьший процент обобществления был присущ ТОЗам, где средства производства оставались в собственности крестьян. Напротив, в коммунах обобществление средств производства являлось максимальным, и коллективные начала активно внедрялись даже в быт в виде общежитий, общих столовых, детских яслей. Сельхозартели представляли собой нечто среднее между первыми двумя формами коллективных хозяйств: здесь обобществлялись основные средства производства (земля, механизмы, живое тягло, крупный рогатый скот), но в личной собственности колхозников оставалось небольшое подсобное хозяйство. Крестьяне традиционно чуждались коммун и отдавали предпочтение ТОЗам, поскольку в этих объединениях их хозяйственная самостоятельность оставалась максимальной. По статистике, в 1929 г. в СССР насчитывалось 60,2 % ТОЗов, 33,6 % артелей и всего 6,2 % коммун [9].

Исходя из предпочтений земледельцев, советские чиновники при разработке программы сплошной коллективизации первоначально планировали в массовом порядке создавать именно ТОЗы. В частности, в конце 1920-х гг. планировщики Северо-Кавказского края намечали в 1932–1933 гг. создать до 13,6 тыс. ТОЗов и лишь около 1,3 тыс. артелей и 565 коммун [10]. Однако ТОЗы не позволяли установить плотный контроль над аграриями со стороны государства, поэтому в условиях развертывания коллективизации лидеры ВКП(б) объявили ТОЗы «пройденной ступенью колхозного движения» [11, с. 197]. При этом коммуны, вызывавшие резкую неприязнь земледельцев, были охарактеризованы как высшая ступень колхозного движения, до которой еще далеко. Правительство сделало ставку не на ту организационно-правовую форму колхозов, которая привлекала крестьян, а на сельхозартели, ибо они в сложившейся ситуации являлись наиболее выгодными государству. Сельхозартели стали неким компромиссом между властью и крестьянством, поскольку, как уже отмечалось, в них обобществлялись основные средства производства (это позволяло партийно-советскому аппарату контролировать ситуацию в аграрной сфере), а рядовые колхозники удовлетворились тем, что им была оставлена определенная самостоятельность в узких рамках подсобных хозяйств. Численность сельхозартелей быстро росла и уже к июлю 1934 г. составила свыше 90 % от 233,3 тыс. существовавших к тому времени колхозов [12]. Доминирование сельхозартелей в массе колхозов стало закономерным результатом целенаправленной государственной политики.

Изменения в соотношении организационно-правовых форм колхозов, произошедшие во время коллективизации по инициативе и при непосредственном участии властей, были незамедлительно узаконены. В том же январ-

https://lawandorder-donstu.ru

ском постановлении о мерах помощи государства колхозному строительству ЦК ВКП(б) поставил перед Народным комиссариатом земледелия СССР задачу «в кратчайший срок выработать примерный Устав с/х колхозной артели, как переходной к коммуне формы колхоза» [8, с. 86]. Поручение было выполнено: уже 1 марта 1930 г. окончательный текст Примерного устава сельхозартели, одобренный Наркомземом СССР, утвердили Совет народных комиссаров СССР и Президиум ЦИК СССР. Через пять лет, на состоявшемся в феврале 1935 г. втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников, был принят новый, доработанный и дополненный Примерный устав сельхозартели. Он был утвержден ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР 17 февраля 1935 г.

Структурно Примерные уставы в обеих редакциях были практически идентичны. Вариант 1930 г. содержал 10 глав («Цели и задачи», «О земле», «О средствах производства», «Деятельность артели», «О членстве», «Средства артели», «Организация и оплата труда», «Меры воздействия (на нерадивых колхозников. – *Авт.*)», «Управление делами артели», «Взаимоотношения [артели] с колхозной системой»). Вариант 1935 г. предусматривал 8 глав: «Цели и задачи», «О земле», «О средствах производства», «Деятельность артели и ее правления», «О членстве», «Средства артели», «Организация, оплата и дисциплина труда», «Управление делами артели» [13, с. 408–410]. В обоих вариантах имелись соответствующие разделы, где артель трактовалась как кооперативное объединение, которому были присущи: добровольность вступления крестьян в артель; необходимость уплаты паевых взносов при вступлении; обобществление средств производства; самоуправление[5]. Оба варианта представляли артель как негосударственное сельхозпредприятие, управляемое самими аграриями: распорядительным органом самоуправления в артели являлось общее собрание колхозников, исполнительным – избираемое колхозниками правление во главе с председателем.

В то же время отмеченные нормативные акты весьма показательны с точки зрения этатистского подхода к разработке аграрного законодательства. Результаты их сравнительного анализа убедительно свидетельствуют, что с течением времени стремление советского государства упрочить свой контроль над колхозной системой (в том числе, на законодательном уровне) ничуть не ослабевало, но, напротив, усиливалось. В Примерном уставе 1930 г. роль государства в управлении артелью и ее функционировании была выписана довольно фрагментарно. По сути, о том, что артель не обладала хозяйственной самостоятельностью и подчинялась указаниям государственных органов, четко говорилось лишь в последней главе документа. Там констатировалось, что артель является членом конкретного колхозного объединения, каковыми в отмеченный период времени являлись колхозные союзы (союзы сельскохозяйственных коллективов) – районные, окружные, краевые. Будучи встроена в колхозную систему, указывалось в Уставе, артель «ведет свою работу под… непосредственным руководством» колхозного объединения и заключает с ним договор о контрактации, где устанавливаются обязательства артели по организации производства и «плановой сдаче всей товарной продукции государству и кооперации»[6]. Важно подчеркнуть, что колхозсоюзы представляли собой не органы самоуправления коллективных хозяйств, как можно понять из их наименования, но бюрократические структуры, отвечавшие за реализацию государственной политики в аграрной сфере. Тем самым Примерный устав сельхозартели 1930 г., несмотря на присущую ему лаконичность констатации государственного контроля над колхозами, все же закреплял зависимость коллективных хозяйств от партийно-советского аппарата.

Добавим, что недомолвки законодателей никак не отразились на принципах взаимоотношений государства с колхозами: никоим образом оно не рассматривало их как независимые объединения и не считалось с положениями Примерного устава. В частности, вопреки декларациям, что «хозяевами колхоза являются колхозники»[7] и что высшим органом колхозного самоуправления выступает общее собрание членов сельхозартели, реальные рычаги управления коллективными хозяйствами находились в руках партийных функционеров и советской администрации. Как правило, общие собрания колхозников стратегические вопросы развития хозяйства не решали, а лишь послушно принимали к исполнению предоставленные им районным начальством планы и распоряжения. Выборность председателей колхозов изначально была подменена назначенчеством: колхозникам, которые должны были сами выбирать председателя на общем собрании, позволялось просто голосовать за кандидатуру, согласованную вышестоящим руководством. Закономерной реакцией колхозников на вышеотмеченные особенности «колхозной демократии» стало игнорирование общих собраний. Как отмечал весной 1934 г. один из высокопоставленных сотрудников Азово-Черноморского краевого земельного управления (крайзу), колхозники не посещали общих собраний, говоря, что «все равно правление решений собрания не выполняет» [14, л. 55].

Государство по собственному усмотрению распоряжалось колхозным имуществом, которое, согласно закону, принадлежало колхозникам как членам производственного кооператива. Так, при создании машинно-тракторных

[5] СЗ СССР. 1930;(24). Ст. 255; СЗ СССР. 1935;(11). Ст. 82.
[6] *История колхозного права*. *Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг.* В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 175.
[7] Вышинский А.Я. (общ. ред.) *Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях*. Москва: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР»; 1939. С. 203.

станций (МТС) как государственных прокатных пунктов в деревне представители власти частично сформировали их технический парк за счет техники, имевшейся у колхозов. В начале 1931 г. работники Трактороцентра планировали изъять у колхозов Северо-Кавказского края до 3,5 тыс. тракторов – при том, что общее количество парка «машин колхозных» не превышало 4,5 тыс. единиц [15, л. 15]. К началу 1933 г. в МТС были переданы все бывшие колхозные тракторы Северо-Кавказского края [16]. Хотя в Уставе 1930 г. была зафиксирована обязанность артели «покупать за свои и заемные средства тракторы и другие средства производства с целью постепенного перехода на механизированное хозяйство»[8], – правительственные чиновники запрещали колхозам это делать [17]. Основанием для подобных запретов являлось нежелание правительства терять крупные доходы, получаемые государством в виде оплаты колхозами (оставшимися без тракторов и комбайнов) услуг МТС, которые обрабатывали колхозные поля техникой, находившейся в государственной собственности.

В Примерном уставе сельхозартели 1935 г. гораздо более открыто и четко фиксировалась зависимость колхозов от государства. Уже в первой главе («Цели и задачи [артели]») указывалось, что колхозники обязаны «выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства»[9]. В первом же пункте главы 4 («Деятельность артели и ее правления») это требование детализировалось: в частности, законодатель строго обязывал артель «вести свое коллективное хозяйство по плану, точно соблюдая установленные органами рабоче-крестьянского правительства планы сельскохозяйственного производства и обязательства артели перед государством» и принимая «к точному исполнению планы» сева, уборки, молотьбы[10]. Данные требования со всей очевидностью свидетельствовали о том, что государство стремилось максимально контролировать колхозы, не оставляя им возможностей сколь-нибудь серьезно отклониться от намеченных плановых заданий.

Заметные отличия между вариантами Примерных уставов сельхозартели 1930 г. и 1935 г. имелись в главе «О земле». Устав 1930 г. требовал слить земельные наделы вступивших в артель крестьян в «единый земельный массив», который будет находиться в «коллективном пользовании» всех членов артели. В уставе 1935 г. это требование дополнялось уточнением, что земля «есть общенародная государственная собственность» и артель лишь пользуется ею, но не имеет прав на куплю-продажу земли и сдаче таковой в аренду[11]. При всей очевидности данного дополнения, законодатель посчитал его необходимым, видимо, по той причине, что в коллективизированной деревне случаи захватов колхозных земель и их аренды, а также купли-продажи и аренды земельных участков колхозников были не единичны. Так, в 1934 г. администрация колхозов Горяче-Ключевского района Азово-Черноморского края сдавала колхозную землю в аренду единоличникам по 50–75 руб. за гектар [18]. В том же году в Северо-Кавказском крае была распространена практика сдачи колхозниками и единоличниками своих земельных наделов в аренду состоятельным односельчанам [19].

Примерный устав 1935 г. требовал от артели точного и безоговорочного выполнения государственных поставок и уплаты налогов. Согласно главе 6 («Средства артели»), после сбора урожая каждый колхоз должен был первым делом выполнить обязательные поставки государству сельхозпродукции и вернуть семенную ссуду. Кроме того, артель обязывалась передать часть урожая МТС в качестве натуроплаты «в соответствии с заключенным договором, имеющим силу закона». Получив денежные доходы, артель была обязана в первую очередь выплатить государству налоги и страховые платежи[12]. Учитывая, что колхозы и создавались сталинским режимом как наиболее удобный для государства инструмент изъятия сельхозпродукции у аграриев, повышенное внимание законодателя к фискальной дисциплине сельхозартелей являлось вполне объяснимым.

Комплекс нормативно-правовых актов, с помощью которых советское государство конструировало и регулировало колхозную систему, вовсе не ограничивался Примерными уставами сельхозартели. Комплекс этот был весьма обширен и включал, помимо Уставов, великое множество других юридических документов, принимавшихся органами власти в разное время и по разным поводам. Массив изданных в 1930-х гг. в СССР законодательных материалов посвящен разнообразным проблемам, периодически возникавшим перед колхозами и затруднявшим их функционирование. Законодатель был вынужден реагировать на эти проблемы, потому что сами колхозы, созданные сверху и лишенные самостоятельности, преодолеть их не могли, а иной раз и не хотели.

[8] *История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг.* В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 173.
[9] *История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг.* В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 427.
[10] *История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг.* В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 428.
[11] *История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг.* В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 427.
[12] *История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг.* В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 430.

Одним из наиболее известных нормативных актов такого типа является постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. Данное постановление (более известное в народе как «закон о трех колосках» или «указ семь-восемь») приравнивало к государственным преступлениям хищения колхозной собственности, а также насилие и угрозы со стороны «противообщественных кулацко-капиталистических элементов» в отношении колхозников. Законодатель предусматривал за подобные правонарушения самые суровые меры вплоть до смертной казни и исключал возможность амнистии для лиц, осужденных по таким делам [7, с. 453–454].

«Указ семь-восемь» стал реакцией сталинского режима на разразившийся в 1932 г. кризис колхозной системы, который был вызван разрушительными импульсами коллективизации и высокими объемами хлебозаготовок, чрезвычайно болезненными для аграриев в связи с засухой и низким урожаем. Все это спровоцировало рост социальной напряженности в деревне, выразившейся, в том числе, в массовых хищениях зерна с колхозных полей и амбаров. Правоведы справедливо указывают, что закон являлся «юридически безграмотным и по существу террористическим» [20, с. 32]. Однако предусмотренные законом «суровые репрессии против всех врагов народа, посягающих на общественную (социалистическую) собственность» [21, с. 23–24], позволили сталинскому государству выполнить поставленные задачи – минимизировать протесты на селе и не допустить краха колхозов.

Ряд важных нормативных актов, которыми государство регулировало состояние колхозной системы и направляло ее развитие, был принят в конце 1930-х гг. Таковы постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О запрещении исключения колхозников из колхозов» от 19 апреля 1938 г.[13] и «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.[14] Второе из названных постановлений было нацелено на пресечение широко распространенной практики захватов колхозниками и единоличниками колхозных земель и укрепление трудовой дисциплины в коллективных хозяйствах. Данным актом впервые вводился обязательный для колхозников минимум трудодней, невыработка которого в течение года могла повлечь за собой исключение из колхоза.

Что касается постановления о запрете исключения из колхозов, то таковое являлось очередной попыткой улучшить негативную ситуацию, сложившуюся в колхозах как сельхозпредприятиях, подчиненных партийно-советским органам и лишенных самостоятельности. Согласно Примерному уставу сельхозартели исключать колхозников из колхоза было правомочно только общее собрание. В действительности такие полномочия узурпировала колхозная администрация в лице председателей, членов правлений и даже бригадиров, в связи с чем исключения повсеместно проводились без соблюдения формальных процедур, в массовом порядке и нередко – по незначительным поводам. Подобное наблюдалось в 1934 г. в колхозах Северо-Кавказского края [22], да и Азово-Черноморский край не был исключением: в одном лишь Усть-Лабинском районе в 1935 г. и в первом квартале 1936 г. были исключены 1580 колхозников, из которых, по итогам специально проведенной проверки законности их исключения, были восстановлены в правах 1318 человек (83,4 %) [23]. Массовые необоснованные исключения колхозников подрывали производственную базу колхозов, в связи с чем правительство запретило подобную практику в апреле 1938 г. Впрочем, и после этого исключения членов сельхозартелей, проведенные волевым решением колхозной администрации без одобрения общего собрания, не являлись редкостью. Например, в январе 1940 г. из колхозов Мясниковского района Ростовской области за невыработку обязательного минимума трудодней были исключены свыше 100 человек, причем исключены они были «списком», то есть без обязательного обсуждения каждой кандидатуры на общем собрании колхозников [24].

Обсуждение и заключение. Можно утверждать, что действительность коллективизированной деревни весьма существенно расходилась с декларациями партийных идеологов и теоретическими построениями советских агитаторов и пропагандистов. Согласно общепринятым в СССР, официально одобренным и юридически оформленным нормам, колхоз представлял собой негосударственное кооперативное предприятие, обладавшее определенной автономией от государства и правом на самоуправление. Однако, перефразируя В.И. Ленина, можно сказать, что эти положения нарушались представителями власти «постоянно, ежедневно, ежечасно… и в массовом масштабе». Примеров подобного пренебрежительного отношения партийно-советских органов к декларациям о кооперативной сущности колхозов содержится в источниках великое множество.

В то же время расхождения между административной практикой и буквой закона представляли собой лишь вершину айсберга. Ситуация была гораздо более сложной и заключалась в том, что и закон подчинял колхозы госаппарату, не оставляя им возможностей самостоятельного существования и деятельности. Весьма показательно, что в 1930-х гг. само колхозное право трактовалось как отрасль главным образом советского государственного права. По этому поводу известный ученый А.Я. Вышинский сказал: «Колхозное право входит своими

[13] *Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Сб. документов*. В 4-х т. Т. 2. 1929–1945 гг. Москва: Госполитиздат; 1957. С. 539–541.

[14] *Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг.* Москва: Изд-во сельскохозяйственной литературы; 1948. С. 281–287.

частями в советское государственное право (земельная собственность, основы землепользования, а равно пользование недрами, лесами и водами, государственное планирование в области колхозного строительства, государственные обязательства колхозов и пр.) и советское гражданское право (договоры, имущественные правоотношения, семейное, наследственное право и т. д.)» и его нельзя «изучать в отрыве от государственного права и гражданского права» [25, с. 108]. Советские правоведы настаивали, что разработка колхозами правил внутреннего распорядка, право на которую предоставлял им закон, должна полностью соответствовать решениям партии и правительства и служить интересам государства [26].

Юридическая теория и законодательная практика в СССР в 1930-х гг. строились в русле этатистского подхода, в соответствии с которым колхозная система с самого начала была подчинена государству. Законодатель изначально обесценил декларации о кооперативной сущности колхозов, поместив рядом с ними положения о подчинении колхозной системы государству и принимая множество нормативно-правовых актов, узаконивавших вмешательство властей в сферу деятельности коллективных хозяйств. Нельзя не согласиться с исследователями в том, что, хотя колхозы и не находились под прямым государственным управлением, государство постоянно руководило ими методами «правового, экономического и организационно-технического регулирования» [27, с. 321]. Анализ содержания основополагающих для колхозов документов – Примерных уставов сельхозартели 1930 г. и 1935 г. (в особенности, второго из них), – в полной мере подтверждает справедливость данной точки зрения.

Всестороннее объективное осмысление как функционирования колхозов и их взаимоотношений с органами власти, так и колхозного права, дает основания уверенно ставить знак равенства между понятиями «коллективизация» и «этатизация» [28, с. 59]. В ходе сплошной коллективизации «колхозы практически потеряли кооперативную самостоятельность» [29, с. 70–71] и превратились в огосударствленные сельскохозяйственные предприятия, что было закреплено и законом. Однако поскольку законодатель был вынужден учитывать идеологические постулаты о коллективизации как построении социализма в деревне, принцип этатизма, на котором базировалось колхозное право, соседствовал с положениями о колхозной демократии и даже отступал на второй план в сравнении с ними. Можно сказать, что декларации о кооперативном характере колхозов являлись своего рода юридическим фасадом, призванным подтвердить наличие социалистических отношений в СССР, в то время как ведущей тенденцией законодательства являлось узаконение отношений, которые нередко именуют «государственным капитализмом».

Список литературы / References

1. *Социалистическое сельское хозяйство СССР. Статистический сборник.* Москва – Ленинград: Госпланиздат; 1939. 128 с.

Socialist Agriculture of the USSR. Statistical Digest. Moscow – Leningrad: Gosplanizdat; 1939. 128 p. (In Russ.)

2. Сталин И.В. *На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета. 28 мая 1928 г. Сочинения. Т. 11.* Москва: Госполитиздат; 1953. С. 81–97.

Stalin IV. *On the Grain Front. from a Conversation with Students of the Institute of Red Professors, the Communist Academy and Sverdlovsk University. May 28, 1928. Collected Works, Vol. 11.* Moscow: Gospolitizdat; 1953. P. 81–97. (In Russ.)

3. Барсов А.А., Васюков В.С. Зарубежная антимарксистская историография коллективизации сельского хозяйства и развития колхозного строя в СССР. В: *Материалы научной сессии «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». Москва, 18–21 апреля 1961 г.* Москва; 1963. С. 232–246.

Barsov AA, Vasyukov VS. Foreign Anti-Marxist Historiography of the Collectivization of Agriculture and Development of the Collective Farm System in the USSR. In: *Proceedings of the Scientific Session "History of the Soviet Peasantry and Collective Farm Construction in rhe USSR". Moscow, April 18–21, 1961.* Moscow; 1963. P. 232–246. (In Russ.)

4. Чистяков О.И. *Избранные труды.* Москва: НОРМА; 2008. 415 с.

Chistyakov OI. *Selected Works.* Moscow: NORMA; 2008. 415 p. (In Russ.)

5. Черногор Н.И., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права. *Журнал российского права*. 2017;(10):5–13.

Chernogor NI, Pashentsev DA. The October Revolution and the Evolution of Russian Law. *Journal of Russian Law*. 2017;(10):5–13. (In Russ.)

6. Ленин В.И. *Государство и революция. Учение Маркса о государстве и задачи пролетариата в революции*. Москва: Госполитиздат; 1953. 120 с.

Lenin VI. *State and Revolution. Marx's Teachings on the State and the Tasks of the Proletariat in the Revolution*. Moscow: Gospolitizdat; 1953. 120 p. (In Russ.)

7. Зеленин И. (отв. ред.) *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939.* Т. 3. Конец 1930–1933. Москва: РОССПЭН; 2001. 1007 с.

Zelenin I. (Ed.) *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession: Documents and Materials in 5 Volumes. 1927–1939.* Vol. 3. Late 1930–1933. Moscow: ROSSPEN; 2001. 1007 p. (In Russ.)

8. Ивницкий Н. (отв. ред.) *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939.* Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. Москва: РОССПЭН; 2000. 927 с.

Ivnitsky N. (Ed.) *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession: Documents and Materials in 5 Volumes. 1927–1939. Vol. 2. November 1929 – December 1930.* Moscow: ROSSPEN; 2000. 927 p. (In Russ.)

9. Краев М.А. *Победа колхозного строя в СССР*. Москва: Госполитиздат; 1954. 720 с.

Kraev MA. *Victory of the Collective Farm System in the USSR*. Moscow: Gospolitizdat; 1954. 720 p. (In Russ.)

10. ГАРО. Ф. р-1390. Оп. 6. Д. 439.

State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). Archive Fund No p-1390. Inventory No 6. File No 439. (In Russ.)

11. Сталин И.В. *Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения*. *Сочинения.* Т. 12. Москва: Госполитиздат; 1953. С. 191–199.

Stalin IV. *Dizzy with Success. On the Issues of the Collective Farm Movement. Colected Works.* Vol. 12. Moscow: Gospolitizdat; 1953. P. 191–199. (In Russ.)

12. Гайстер А.И. (гл. ред.) *Сельскохозяйственный словарь-справочник*. Москва – Ленинград: Гос-е изд-во колхозной и совхозной лит-ры; 1934. 640 с.

Gaister AI (Ed.). *Agricultural Handbook Dictionary.* Moscow – Leningrad: State Publishing House of Collective and State Farm Literature; 1934. 640 p. (In Russ.)

13. Титов Ю.П. (ред.) *История государства и права России*. Москва: ТК Велби; 2003. 544 с.

Titov YuP (Ed.). *History of the State and Law of Russia*. Moscow: TK Velbi; 2003. 544 p. (In Russ.)

14. ГАРО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 470.

State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). Archive Fund No p-1390. Inventory No 7. File No 470. (In Russ.)

15. ГАРО. Ф. р-1390. Оп. 6. Д. 1373а.

State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). Archive Fund No p-1390. Inventory No 6. File No 1373a. (In Russ.)

16. Осколков Е.Н. *Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств)*. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ; 1973. 311 с.

Oskolkov EN. *Victory of the Collective Farm System in the Grain Regions of the North Caucasus (Essays on the History of Party Leadership in the Collectivization of Peasant and Cossack Farms).* Rostov-on-Don: RSU Publishing House; 1973. 311 p. (In Russ.)

17. Данилов В., Маннинг Р. (отв. ред.) *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939.* Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. Москва: РОССПЭН; 2004. 647 с.

Danilov V, Manning R. (Eds.) *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession: Documents and Materials in 5 Volumes. 1927–1939.* Vol. 5. 1937–1939. Book 1. 1937. Moscow: ROSSPEN; 2004. 647 p (In Russ.)

18. Котлов Т. Аренда земли продолжается. *Молот*. 05.10.1934.

Kotlov T. Land Lease Continues. *Molot.* 05.10.1934. (In Russ.)

19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д, 118.

Russian State Archive of Social and Political History (РГАСПИ/RGASPI). Archive Fund No 17. Inventory No 120. File No 118. (In Russ.)

20. Скрипилев Е.А. К разработке истории советского правоведения. *Государство и право*. 1992;(12):30–37.

Skripilev EA. On the Development of the History of Soviet Jurisprudence. *State and Law.* 1992;(12):30–37. (In Russ.)

21. *Победы социалистического сельского хозяйства*. Москва: ОГИЗ-Сельхозгиз; 1939. 160 с.

Victories of Socialist Agriculture. Moscow: OGIZ-Selkhozgiz; 1939. 160 p. (In Russ.)

22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 117.

Russian State Archive of Social and Political History (РГАСПИ/RGASPI). Archive Fund No 17. Inventory No 120. File No 117. (In Russ.)

23. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 282.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 8. Inventory No 1. File No 282. (In Russ.)

24. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 202.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 9. Inventory No 1. File No 202. (In Russ.)

25. Вышинский А.Я. *Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.)*. Москва: юрид. изд-во НКЮ СССР; 1938. С. 97–118.

Vyshinsky AYa. *The Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law: Report at the 1st Conference on the Science of Soviet State and Law (July 16–19, 1938).* Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR; 1938. P. 97–118. (In Russ.)

26. Григорович М.А. *Коллективные органы управления в колхозах*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва; 1971. 19 с.

Grigorovich MA. *Collective Governance Bodies in Collective Farms.* Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1971. 19 p. (In Russ.)

27. Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. *Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории.* Москва: Колос; 1982. 399 с.

Vyltsan MA, Danilov VP, Kabanov VV, Moshkov YuA. *Collectivization of Agriculture in the USSR: Paths, Forms, Achievements. A Brief Essay of the History*. Moscow: Kolos; 1982. 399 p. (In Russ.)

28. Левин М.Л. Выступление на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития». *Отечественная история*. 1994;(4–5):46–78.

Levin ML. Speech at the Theoretical Seminar “Modern Concepts of Agrarian Development”. *National History*. 1994;(4–5):46–78. (In Russ.)

29. Гордон Л.А., Клопов Э.В. *Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы*. Москва: Госполитиздат; 1989. 319 с.

Gordon LA, Klopov EV. *What Was It? Reflections on the Preconditions and Results of What Happened to Us in the 1930s and 1940s.* Moscow: Gospolitizdat; 1989. 319 p. (In Russ.)

Об авторах:

Леонид Гарриевич Берлявский, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), SPIN-код, ORCID, berlg@yandex.ru

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.Г. Берлявский: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

В.А. Бондарев: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Leonid G. Berlyavskiy, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (69, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, berlg@yandex.ru

Vitaliy A. Bondarev, Dr.Sci. (History), Professor of the History and Cultural Studies Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Claimed Contributorship:

LG Berlyavskiy: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

VA Bondarev: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025
Поступила после рецензирования / Reviewed 10.09.2025
Принята к публикации / Accepted 19.09.2025